

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛИТИКИ: СПОРЫ И СУЖДЕНИЯ

ПОЛИТИКА

Не одну сотню лет люди пытались и пытаются отрефлексировать это явление, достичь согласия относительно природы политики, понять, что следует ожидать от нее индивиду и обществу, можно ли надеяться на ее помощь в решении социальных проблем и регулировании процессов коэволюции. Теоретические притязания на поиск истины, бесконечные попытки синтезировать понимание и объяснение политики были и остаются неизменным содержанием политической мысли. Однако сложность понимания и выработки систематизированного и конвенционального представления об этой области жизни доказывает хотя бы тот факт, что проблемным до сих пор остается вопрос о доказательстве бытия политики. Ну, а уж определение ее сущности и атрибутивных черт представляет собой один из «проклятых» вопросов.

Как бы то ни было, но фактом является то, что до сих пор в научном мире не существует однозначных ответов относительно того, имеет ли политика собственную экзистенцию или не имеет; возникает ли политика одновременно с обществом или же ее появление связано с определенным периодом в его истории; будет ли политика существовать вечно или же она исчезнет из социума при каких-то обстоятельствах; происходит ли со временем трансформация ее базовых параметров или же *specifica differentia* политики неизменна?

В процессе познания политики ее сущностные смыслы нередко описывались в рамках поверхностных и не обладающих достаточной эвристической силой, но тем не менее весьма распространенных концепций. Одним из доказательств такой ситуации является довольно распространенное отождествление политики с другими, пусть и масштабными, но все же иными по характеру явлениями. К примеру, ряд древнегреческих мыслителей считал политику разновидностью частной морали; марксизм рассматривал ее как иноформу экономики, по сути лишенную своего собственного – вне зависимости от влияния материальных факторов – содержания и логики движения. Немецкие консерваторы XIX века, а также сторонники юридического позитивизма (Г.Кельзен) нередко растворяли политику в правовых и юридических субстанциях. Немало даже современных ученых также лишают политику специфических – в том числе и практических – форм существования, относя ее лишь к сфере мышления и говорения. Нередко политика растворялась и в иных социальных явлениях, обретая форму «власти», «влияния», «контроля», «деятельности» и других социальных явлений.

Впрочем, если многовековой опыт и не дал однозначных ответов на все принципиальные вопросы, касающиеся понимания политики, тем не менее история этого интеллектуального поиска продемонстрировала ряд довольно устойчивых тенденций в осмыслении данного феномена. В частности, можно увидеть, что еще с древнейших времен в человеческой мысли постоянно воспроизводятся некоторые смыслы и особенности познания политики.

Так, чисто исторически термин «политика» стал впервые использоваться в связи с отображением деятельности древнегреческих полисов, т. е. определенной формы организации совместной жизни людей, того средостения государства и общества, для которого принципиальным значением обладали проблемы сохранения его внутренней целостности. Думается, это не случайно, ибо в то время люди особенно остро понимали опасность распада своего сообщества и необходимость поддержания определенного уровня внутренней интеграции и солидарности. Как известно, Платон описывал характерные для того времени весьма механистические технологии сохранения такого единства, в частности, остракизм, изгнание и вытеснение инакомыслящих за пределы государства. Однако в то же время зародились и иные механизмы обеспечения целостности локальных сообществ, связанные с постоянным поддержанием коммуникации верхов и низов, развитием диалоговых конструкций, поиском компромиссов и иных близких по духу способов поддержания внутреннего единства. Такого рода явления и стали связываться с политикой как **искусством** применения цивилизованных методов интеграции локальных (кооперированных) сообществ, управления этими образованиями, инструментом вытеснения силовых средств регулирования конфликтов.

Так или иначе, но политика, с одной стороны, выступала как средство, обесценившее потенциал силовых средств сплочения общества, а с другой, позиционировала властный ресурс населения, его право на участие в решении общеколлективных вопросов. Не случайно практически сразу в то время возникли идеи гражданской лояльности государству, понимание легитимного характера отправления государственной власти, позволявшего более гибко использовать возможности этого института как центра принуждения. По сути, политика стала показателем свершившегося исторического акта, когда правящая элита стала вынуждена обращаться к населению не столько для сохранения своего положения, сколько для повышения эффективности управления обществом. Это, в свою очередь, показало новые возможности власти, основанной на авторитете правителей и гражданской лояльности и солидарности. Иными словами, политика стала символом возможности осуществления общественной власти без насилия. Власти, основанной на символическом принуждении авторитетом, взаимным согласием, а также признаваемой всеми силой государства. По сути весь исторический генезис политики и показывает путь постепенного приучения конкурирующих социальных аудиторий, государств и сообществ к взаимному сосуще-

ствованию, если и не на основе уважения, то, как минимум, усмирения стихийности с постоянным использованием таких ее форм, как мятежи, революции, заговоры и прочие девиации человеческой активности, несущие с собой страх и насилие. Так что в любом случае политика делала акцент не на принудительных, а на коммуникативных формах общения и управления человеческим сообществом.

Одним словом, обеспечение солидарности, общего блага, поиск компромиссов и сохранение консенсуса, обеспечение общей воли (как прототипа сознательного конструирования необходимых для поддержания такого порядка социальных процессов) и иные аналогичные аспекты стали исторически первыми смысловыми очертаниями политики. Такая установка и сегодня объединяет многих ученых: от Аристотеля до Х.Арендт, Т.Парсонса и других современных мыслителей-гуманистов. Иными словами, политика понималась и понимается ими как средство солидарного объединения индивидов для решения общих проблем и как следствие – сохранения единства не только в рамках их территориальной локальной целостности, но и в мировом масштабе.

Конечно, обозначенные смыслы политики далеко не единственные и не исчерпывают всего многообразия ее значений. И в этом плане крайне важно понять, что основным источником постоянного усложнения и обновления представлений о политических явлениях выступает неизбывный – но структурированный – идейный плюрализм. Другими словами, и раньше, и теперь все представления об этом явлении формируются и развиваются в рамках **трех дискурсов**: гражданского, профессионального и научного. Это означает, что уклоняющиеся от измерения точными инструментами смыслы политики раскрывали и раскрывают свое содержание при помощи разнообразных, иногда полярно противоположных и даже не всегда рациональных подходов и мыслительных конструкций. В конечном счете такой мощный и многосоставный интеллектуальный поиск истины не только использует весь потенциал рациональной рефлексии, прозрения и интуиции исследователей, но и наполнен самыми разнообразными условностями и мистификациями, ограничивающими возможности научного познания.

При этом каждая форма дискурса не только предлагает собственные приемы и своеобразную логику отображения, но и формирует особую знаково-языковую систему, специфические лингво-семантические обозначения политики. Более того, эти языковые конструкции в реальной жизни постоянно пытаются так или иначе воздействовать на смысловые образы политики у оппонентов. И не случайно, к примеру, в результате подчас весьма агрессивных воздействий обыденного языка на научное знание в последнем возникает немало понятий-призраков, не обладающих устойчивым содержанием и затрудняющим теоретическое описание этого круга явлений. Использование обыденных форм мышления и устоявшиеся заимствования постоянно усложняют и категориальный аппарат науки, создавая некую область терминов без ясно-го содержания.

Такого рода факты далеко не случайны. Ведь повседневная жизнь, сложившиеся традиции, а прежде всего обыденные контакты населения с государством, властью, партиями и другими политическими структурами сделали представления о политике устойчивым сюжетом как в общественном, так и в индивидуальном сознании людей. Понятно поэтому, что в жизни различные научные теории постоянно сталкиваются с массовыми стереотипами и представлениями людей о политике, функционирующими в обществе мифами, верованиями и даже теологическими формами политического знания.

Наиболее мощным каналом агрессивного давления обыденной логики восприятия политики является оценочный или **вербальный** характер этих образов и стереотипов. Оценочные компоненты как инструменты познания тесно связаны с морально-этическим отношением человека к миру, что, с одной стороны, предполагает как бы личностный произвол в интерпретации политических явлений, а с другой, изначальноную пристрастность наблюдателя, распространяющего на политические явления свои мировоззренческие стандарты и ценности. Тем самым предпосылки познания формируют индивидуальные и идеологические подходы к политическим явлениям, ментальные структуры, что однозначно снижает рациональные и прагматические основания мышления. Так что представления о политике складываются в данном случае на основании абсолютизации личного и микрогруппового опыта политического участия, формируя в конечном счете довольно поверхностные идеи, не претендующие на понимание внутреннего содержания мира политики. Не случайно на обыденном уровне за политикой закрепились смыслы, характеризующие проведение какого-то единого управленческого (правительственного) курса, постоянное маневрирование, недоброкачественность моральных устоев и ряд других образов, рождающих аналогии с «беспринципностью» и применением «двойных стандартов», «политикой семьи», «аморальностью и корыстью власти», «злоупотреблениями чиновников» и т. д.

С другой стороны, научные представления о политике постоянно подвергались и подвергаются пусть и не столь масштабному, но тем не менее непрерывному давлению образов, рождающихся в среде **профессионалов**. Эта форма давления на теоретические представления со стороны практикующих политиков, администраторов и их помощников (аналитиков), наблюдающих формы политического правления изнутри и потому формирующих свои воззрения на основании участия в конкретных переговорных практиках, дворцовых переворотах, кампаниях и проектах и т. д. Их опыт не только обогащает, но и деформирует научное знание бесконечными трюизмами и циничными оценками макросоциальных процессов, что в конечном счете принижает роль обобщений и универсалий.

Поскольку практические технологии отправления политической власти подчас действительно существенно изменяют облик политических процессов (пребывая в таком случае в явном противоречии с сущ-

ностью явлений), такая шкала измерения политики постоянно тяготеет и к восприятию этой области жизни как к «искусству», «ремеслу», «мастерству» правления политического класса. В результате политику как класс однотипных явлений со своей природой, структурой и другими сущностными параметрами подменяют образы пусть и творческих, но разрозненных практик вождей, правителей, политических технологов. Не в последнюю очередь по этой причине за политикой закрепилось убеждение, что она, как никакая другая область жизни, приспособлена к воплощению сознательных замыслов, и более того, даже существует для того, чтобы воплощать в жизнь идеи «сильных мира сего».

Развивающееся параллельно этим мыслительным практикам научное знание предлагает собственную линию отображения политики. Правда, и здесь не удастся разорвать связь рационально формируемого знания с этическими подходами, но здесь она минимизирована, а стало быть, и понимание связи логического и исторического является иным, нежели при обыденной и профессиональной логиках мышления. Важнейшей задачей научного знания является выявление сущностных черт политики и раскрытие смысловых связей между ними. Такое «погашение» эмпирических значений, отрыв от живой фактичности через логические процедуры и схемы позволяет сформировать ее теоретическую модель. Благодаря возможности использования различного рода подходов наука была и остается многомерной познавательной структурой, предполагающей определение природы и сущности, анализ морфологических и процессуальных параметров политики. И хотя стремительные перемены, а еще более – предощущение новых, еще более качественных изменений мира политики уже сейчас обесценивают многое из накопленного арсенала политической науки, все же здесь наработаны вполне определенные традиции, дающие возможность ответить на многие каверзные вопросы истории.

Как показал опыт интеллектуальной истории, да и самой жизни, «политика» представляет собой одно из наиболее показательных сущностно оспариваемых понятий. Ее когнитивная структура постоянно открыта для новых и новых толкований. Поэтому для научного знания вопрос идентификации политики как специфического явления (и последующее толкование ее различных черт и параметров) – это прежде всего проблема определения парадигмальных оснований анализа, то есть поиска наиболее широких концептуальных измерений этого класса явлений, объясняющих источники его происхождения, масштабы распространения, основные детерминанты и связи. В конечном счете определение таких предпосылочных, аксиоматических оснований теоретического анализа политики по существу отвечает на самый главный вопрос: существует ли особый класс политических явлений или же термин «политика» свободен от внутренних ограничений и может обозначать самые разнообразные явления. И если посмотреть на все хоть сколько-нибудь заметные теоретические интерпретации политики, то можно увидеть, что эти модели дают собственную версию ответа на этот воп-

рос. Насколько же сложна проблема теоретической идентификации этого явления, можно судить не только по разнообразию подходов, но и по расплывчатости определений, интерпретирующих ее в рамках той или иной парадигмы. Вспомним, к примеру, хотя бы Р. Даля, который определял политику как «все то, что касается власти и управления», то есть предлагал весьма широкое, по сути фоновое толкование понятия.

Однако на деле политику объясняли и объясняют в рамках всего лишь трех основополагающих (классообразующих) парадигм: **теологической**, рассматривающей ее как явление сверхъестественного происхождения; **натуралистической**, настаивающей на толковании политики как части (живой и неорганической) природы, а также **социоцентристской**, утверждающей происхождение политики как общественного явления.

Эта троякая возможность истолкования политики прежде всего демонстрирует тот примечательный факт, что ее смысловые очертания постоянно ищутся за гранью социального, что предопределяет особый характер теоретического моделирования. Конечно, в основном это касается обращения к натуралистическим аргументам, логике отображения живой природы, которые глубоко проникли в политическое знание, породив разнообразные субтеоретические направления типа биополитики, геополитики, психологизаторских концепций и даже прототехнических картин мира политики. Однако натуралистические теории (описывающие политические феномены в основном через аналогии с миром природы и раскрывающие их содержание через механизмы борьбы живых существ за выживание или же достижение ими доминирующего положения, развития одного организма за счет другого и т. д.) в последнее время стали активно дополняться и другими представлениями о «внечеловеческой», в частности, космотехнократической природе политики, утверждающими, к примеру, происхождение этого феномена на основании активности глобальных компьютерных организмов¹.

В то же время надо видеть, что подобные межпарадигматические споры касаются базовой идентификации политики, определения ее онтологических оснований, обуславливающих ядро понятия, то есть описывающего самые основные, ключевые, исходные признаки данного явления. В свою очередь, понятийное расширение этого термина, его своеобразная когнитивная развертка (то есть выделение и описание иных, менее значимых, вторичных черт и характеристик феномена) однозначно указывает на то, что не все определения политики могут адекватно отображать разнообразные состояния данного объекта. К примеру, в области управления термин «политика» может содержать одни коннотации, а в сфере межличностных отношений лидеров обладать набором других, пусть и вторичных, но все же достаточных для иного своего определения признаков.

Следует принять во внимание и то, что на исследовательские позиции оказывают влияние весьма многочисленные факторы, среди кото-

¹ Балла О. Мифологическое мышление в эпоху компьютерных технологий // *Компьютерра*. № 9, 2001. с. 24.

рых присутствуют и господствующие в конкретном обществе интеллектуальные течения того или иного времени, и стандарты политической эпистемологии, и особенности различных исторических периодов в развитии общества, и многие другие факторы.

Впрочем, самая широкая гамма теоретических интерпретаций политики заключена в рамках социоцентристской, антропогенной парадигмы, утверждающей статус и происхождение политики как общественного явления и ставшей надежным заслоном, препятствующим проникновению в науку гиперболизирующих личный опыт оценок, фантазий и чрезмерного воображения. Однако в структуре и этого типа научного знания по сегодняшний день остается немало всевозможных риск-рефлексий, предлагающих достаточно фантазийных и мало реалистичных концептов.

Как бы то ни было, но понятие «политика» оказалось крайне перегруженным различными коннотациями и соответствующими лексиконцептами. Если посмотреть на вопрос сугубо исторически, то можно увидеть, что в чисто **содержательном** плане понимание политики первоначально связывалось с государством и идеальными формами обустройства коллективной жизни, затем с властью, потом способами ее применения и различными процессуальными характеристиками. Весьма типичным было и отношение к политике как к инструменту поддержания социального порядка, особой деятельности, реализующей общеколлективные интересы или претворяющей в жизнь различного рода ценности: общественного мира, всеобщего равенства, справедливости и др. В то же время с природой политики органично связывалась война. Так или иначе, но только в последнее время академический словарь исследований политики пополнился такими разнообразными концептами, используемыми для ее описания, как коммуникация, культура, дискурс, капитал, политоид, политоценоз, дизайн, ландшафт, поле, пространство и т. д. Не случайно и повестка научного дискурса о природе политики, неуклонно расширяясь, вбирает в себя самые разнообразные проблемы: неформальные аспекты принятия решений, распределения дефицитных ресурсов, системы манипулирования, искусства государственного управления, соперничества людей за ограниченные ресурсы, аккультурации и инкультурации, диффузии ценностей и т. д.

Наличие таких мультисмысловых характеристик и неизменного полисемантизма в отображении политики во многом объясняется тем, что политологическое знание выстраивалось в зависимости от решения людьми сугубо практических, а следовательно, и исторически ограниченных задач. Такая функциональность научных конструкций показывает их определенную зависимость от человеческих интересов, особенностей развития национальных государств, вызовов современности. Конечно, такие особенности формирования научного знания затрудняют достижение необходимой науке конвенциональности в толковании параметров данного явления. В то же время наряду со своей внутренней диверсификацией понятие «политика» отображает и относительно еди-

ный способ проблематизации единых важнейших проблем мирового развития.

Так, можно увидеть, что на понимание политики существенное влияние оказывает **нормативный** характер анализа, обуславливающий отношение к политике как к той или иной форме предписанной человеческой активности, целенаправленной линии поведения или же волевого процесса, основанного на представлениях об общественном благе, групповых интересах и т. д. Так, ряд теоретических моделей абсолютизирует рациональный характер политической активности (например, в теории рационального выбора) или же (как полагают их оппоненты – сторонники ценностных, коммуникативных подходов), цивилизационные, социокультурные и даже иррациональные очертания этого типа деятельности. Однако во всех случаях абсолютизация тех или иных граней политической активности существенно корректирует оценки и выводы теоретических моделей.

Такому подходу, предполагающему целостность образа политики, противостоит методология, подрывающая начальные (солидарные) смыслы политики и отказывающая ей как в определенности состояний, так и во внутреннем единстве, отрицающая возможность предвосхищения создания устойчивых социальных конструкций. Эти концепты «поля», «пространства» (М.Фуко, П.Бурдьё) делают акцент в понимании политики на частные и совокупные – но не объединенные единым интегрирующим замыслом – практики акторов, принципиально диверсифицирующие это явление. Важно понять, что возникшая в условиях довольно ощутимого кризиса западной цивилизации в XX веке логика такого подхода предельно обострила внимание исследователей к операциональным подходам к политике, к технологиям ее внутренних изменений и, как следствие, отказу от поиска глубинных, сущностных представлений данного явления.

Как можно видеть, в самых ревностных оппонентах у этих постмодернистских подходов состоят хорошо известные сторонники идентификации политики по формальным основаниям государственной деятельности. Их модели, апеллирующие к полномочиям властвующих в обществе субъектов, рациональному характеру действий и даже последовательности определенных стадий управленческой активности, по сути наделяли статусом политического все деяния официальных государственных структур. В качестве разновидности такого рода подходов можно назвать и попытки идентифицировать данное явление по наличию таких формальных параметров, как наличие агентов, объектов, адресатов, типов активности, в совокупности отражающих «социальную значимость» и «характер последствий» решений².

Обозревая интеллектуальную историю изучения политики и, следовательно, констатируя сложность и многозначность этого явления, думается, можно утверждать, что сформулировать некую единую когнитивную модель этого явления (даже в рамках господствующей на сегодня социоцентристской парадигмы) в принципе невозможно. Види-

² Дегтярев А.А. *Принятие политических решений*. М., 2004. с. 39–43.

мо, речь должна идти об определении наиболее адекватной теоретической модели политики применительно к **тем или иным ее историческим формам и состояниям**. При этом поиск такой соответствующей времени модели политики должен опираться на ряд аксиоматических предположений, которые могут определить направление анализа.

В частности, учитывая методологическую ограниченность теологической и натуралистической парадигм, политику **целесообразнее** рассматривать как форму социальной активности человека или хотя бы как ту разновидность активности, в которой витальные механизмы человеческого поведения играют подчиненную роль. Констатируя очевидность динамики общества, подверженного саморазвитию и обеспечивающей переход от более простых и примитивных потребностей человека к более сложным интересам, можно также утверждать и то, что политика – так же, как и социум в целом – в процессе своего саморазвертывания лишь постепенно осваивала социальное пространство, усложняя свои специфические механизмы и институты. В этом смысле политика предстает как особая форма упорядочивания потоков социальной активности людей, которая может интерпретироваться как разновидность целенаправленной деятельности, общения и общественных отношений. Конечно, эта деятельностная природа политики не может описать всех ее свойств и параметров. Однако показательно, что ряд ученых как бы останавливается на этой характеристике. Например, Т. Парсонс определял политику именно как форму целенаправленной деятельности, меняющую внутреннюю организацию по мере своей эволюции и развития. Вспомним, что и К. Шмитт также пытался раскрыть природу политики через обретение деятельностью определенной степени напряженности (конфронтации «друзей» и «врагов»).

Однако деятельность представляет собой родовой признак любых форм человеческой активности, и потому причины возникновения политики следует искать в иных чертах предметно обусловленного взаимодействия людей (обмена капиталами, ресурсами, информацией и проч.), к примеру, в характере человеческих интересов, механизмах и способах их удовлетворения и прочих системообразующих параметрах социетальной сферы. Эти параметры весьма разнообразны и также нуждаются в своей теоретической идентификации. Однозначно же можно сказать лишь то, что эти параметры активности (а, следовательно, и политики как ее специфической формы) так или иначе связаны с двойной спиралью развития социума: как общества в целом, так и отдельного человека, каждый из которых обладает специфическими потребностями, обуславливающими возникновение политики. Думается, однако, что определяющие причины ее возникновения были связаны с вызовами общества, а не индивида.

Поскольку деятельность – по преимуществу, конечно – всегда облекает в те или иные исторические формы «сквозной» для человеческой истории процесс реализации тех или иных человеческих интересов, то, видимо, трансформация ее определенных параметров и должна рас-

сма­тривать­ся как важ­ней­ший ис­точ­ник воз­ник­но­ве­ния по­ли­ти­ки. Ре­т­ро­спек­тив­ный вз­гляд на ис­то­рию че­лов­че­ства да­ет воз­мож­ность осоз­нать неуклонное усложнение людских интересов, изменение их масштабов, механизмов урегулирования. Как свидетельствует опыт, со временем функциональная потребность в освоении обществом новых форм регулирования социальных конфликтов и конструировании общественных процессов обесценила регулятивный потенциал традиций, обычаев, императивов протоморали и других доступных людям инструментов. Думаем, что именно в этой функциональной нише и стали складываться институты и механизмы, взаимосвязь которых и могла претендовать на статус элементов «политики». Коротко говоря, цели удовлетворения интересов крупных (групповых) акторов при помощи особых институтов власти (но при обязательном условии сохранения единства (со-)общества и решения общеколлективных дел) сформировали те институты и механизмы, совокупность которых и стала конструировать новую для истории зону социальных контактов людей, то есть политику.

Показательно, что М.Вебер видел в политике как регулятивном (совместном, кооперативном) процессе форму общего руководства социальными делами (распространяя ее до низовых форм социальных коммуникаций). На наш же взгляд, суть политического регулирования иная, что можно показать на основании ее **универсальных и специфических** характеристик.

Универсализм этому типу деятельности прежде всего придает ее **символический** характер, демонстрирующий, с одной стороны, необходимость наделения человеком политических явлений определенными значениями, которые, в свою очередь, наделяют смыслозначимым содержанием те или иные проявления власти (например, президент страны – это не конкретный человек, занимающий данное статусное положение, а носитель высшей власти в обществе). С другой стороны, символизм предполагает интерпретацию, то есть толкование людьми закодированных значений, что раскрывает политические явления как события, требующие своей предварительной оценки с точки зрения имеющих у людей интересов и потребностей.

Еще одна универсальная характеристика политической деятельности состоит в ее **кооперативном характере**, синтезирующим индивидуальные и коллективные действия участвующих в этом типе взаимодействия людей. В частности, эти параметры выражают: непосредственную связь политики с распределением ключевых (для данного социального сообщества) ресурсов при помощи власти; сочетание публичных, полутеневых и теневых механизмов такого взаимодействия (отображающих различные формы реализации политических целей властвующими и подвластными); надиндивидуальный (означающий наличие многократно опосредованных межличностных и межгрупповых контактов людей в политическом взаимодействии) и легитимный (основанный на неформальной поддержке населением политических лидеров и элиты

при выработке и продвижении ими решений) характер деятельности акторов; а также комплексный характер политической активности (отражающий сочетание акций формального и неформального, восходящего и нисходящего характера, демонстрирующий переплетение процедурных «цепочек» действий со стихийными действиями людей, сознательных акций со стихийной самокоррекцией процессов, односторонних и двусторонних контактов властвующих и подвластных и т. д.).

К примеру, в деятельности государства кооперативный характер политической деятельности принципиально неспособен укладываться в юридически формализованную, процедурную и легально обозначенную оболочку разработки и реализации целей. Так что политический характер принятия государственных решений предполагает лишь **частичную институционализацию и операционализацию** данного процесса, его избирательную подчиненность правовым и формальным правилам и процедурам.

В свою очередь **специфические параметры** политической активности раскрывают иные черты данного явления. Поскольку, как уже говорилось, политика стала формироваться в связи с необходимостью обновления регулятивных способностей общества (использовавшего для социального управления религиозные нормы и традиции, обычаи или грубую физическую силу), то есть все основания связать это явление с появлением **государства**. Именно этот институт стал выступать в роли той («третьей») силы, которая (за счет использования своего авторитета и явного преимущества в ресурсах, в том числе и гипотетического применения силы) обрела способность публично урегулировать конфликтные ситуации между различными слоями населения и другими масштабными участниками споров.

Как известно, при своем возникновении государство разрушает дух общины, заменяя его духом города-государства и становясь общесоциальным инструментом публичного регулирования. Возникающие у государства механизмы и технологии раздуливания конфликтов (например, государственные вожди как ораторы стимулируют и направляют низовую активность, конкретизируют общественные планы, укрепляют дух согласия) постепенно институционализируются и развиваются. Как метко заметил О.Шпенглер, политика одновременно стала и средством «замещения меча» (то есть инструментом перехода общества к мирным, консенсуальным методам разрешения споров), и «предметом тщеславия» власть предрекавших.

Тем самым политика, с одной стороны, стала выступать как публичная форма власти, минимизирующая использование силовых инструментов, означая форму «ограниченного применения социальной власти»³. С другой стороны, политика стала формироваться как механизм, устраняющий негативные для общества последствия конфликтов крупных социальных аудиторий. (Показательно, что как бы в отраженном виде этой завоеванной государством позиции в политической теории возникли множественные конфликтные (Г.Зиммель, Р.Дарендорф), кон-

³ Гудин Р., Клинге-ман Х. и др. Политология. Новые направления. М., 1999, с. 33.

сенсуальные (А.Дюркгейм, М.Вебер) и консенсуально-конфликтные (Э.Шилс, Л.Дивайн) способы интерпретации политики).

Однако такая форма снижения роли и статуса насильственных инструментов в палитре регулирования социальных процессов достигалась за счет особого, **неконгруэнтного** взаимодействия, подразумевающего установление асимметричных отношений государства со своими контрагентами. Другими словами, политический способ урегулирования социальных конфликтов формировался по мере того, как государство использовало при урегулировании конфликтов различные нормы и стандарты по отношению к участникам спора. Например, свои отношения с крупным бизнесом или же группой высшей бюрократии практически любое государство строит как со своими наиболее приоритетными партнерами, обладающими явным преимуществом (в деле распределения ресурсов, создания преимуществ в сфере налогообложения и прочих областях) по сравнению, например, с мелкими предпринимателями. Другими словами, собственно политическое регулирование конфликтов предполагает применение различных – двойных (тройных и прочих) стандартов в отношении к тем или иным социальным партнерам. И только на определенном уровне организации политического пространства – в условиях зрелой демократии – юридические нормы и правила ограничивают и упорядочивают конкурентное взаимодействие. То есть право, закон только на определенном историческом витке развития политики ограничивает возможности игры за власть.

Однако собственно политический выбор приоритетов при таком произвольном распределении ресурсов и статусов зависит не от юридических норм или «симпатий» государства к своему контрагенту, а от наличия ресурсов и социальных позиций последнего. Акцент на получаемых акторами той или иной доли общественных ресурсов служил и служит одним из наиболее распространенных оснований толкования политики. Например, известный ученый Г.Лассуэлл даже свою книгу 1936 г. так и назвал – «Политика: кто что, когда и как получает».

Таким образом, предметная специфика политической активности связана с наличием у его носителя (заданных его ценностными или групповыми приоритетами) **асимметричных связей с контрагентами, влияющими на легитимные основания его деятельности**. В целом же кооперативная форма деятельности обретает собственно **политический характер по мере демонстрации избирательного отношения государства (властвующих) к своим контрагентам и, как следствие, организации и поддержания в обществе неконгруэнтных и неравновесных отношений**. Другими словами, выбор субъектом политики приоритетных партнеров, в чью пользу будут распределены имеющиеся у него ресурсы, или же, напротив, контрагентов, которые столь же выборочно будут лишены этих ресурсов, и являются сутью политической игры.

Таким образом, сущность политики как макросоциального явления состоит в наличии кооперативных и одновременно иерархизиро-

ванных взаимодействий властвующих и подвластных, ориентированных на приоритетное распределение ключевых ресурсов общности (общества) в пользу наиболее перспективных (с точки зрения властвующих) структур и совмещения их частных интересов с общеколлективными потребностями в целях дальнейшего развития социума (общности, властвующих). Тем самым политику можно определить как **основанную на межгрупповой конкуренции за прерогативы государства (и существующую на различных уровнях организации общества) форму неконгруэнтного отправления власти в ее как публичных, так и в теневых (полутеневых) формах.** При этом как особая социальная сфера политика предполагает наличие постоянно налаженных контактов элитарных и неэлитарных групп, которые исключают силовые формы урегулирования конфликтов и противостоят дискommункации, то есть постоянно подрываемым формам общения и теневым формам взаимодействия.

Понятно, что иерархическая система отношений, заданная политикой, не совпадает с применением в обществе правовых норм и стандартов и строится на применении механизмов **символического давления**, задействующих формы персональной или идейной лояльности граждан (структур, институтов, корпораций) по отношению к режиму (государству или его лидерам), внутригрупповой солидарности, активизации неформальных переговорных механизмов и прочих методик и процедур работы с персоналом системы управления. Например, как известно, бюрократические (коррупционные) «пробки» на пути трансфертов из Центра в регионы или же другие проблемы исполнения государственного бюджета, как правило, решаются не за счет обращения в суд или применения правовых механизмов, а путем проведения неформальных согласований между руководящими представителями обеих сторон и выработки ими дополнительных, смягчающих реальные противоречия соглашений.

Раскрывая специфику политики, важно заметить, что в основании неконгруэнтных отношений лежит механизм **надпредметного регулирования**, то есть применения единых механизмов символического давления государства на участников социального конфликта, вне зависимости от предмета спора между ними. Так, например, споры могут вестись и по экономическим, и по административным, и по экологическим вопросам, а вот метод их политического урегулирования будет единым. Тем самым можно утверждать, что политика лишена своего предметного содержания, а ее специфика сосредоточена именно в **особых (неконгруэнтных) способах, механизмах** урегулирования социальных конфликтов и инициирования общественных процессов. Однако институциональный характер этих механизмов, их сложная зависимость от позиций правящего класса и дискурса его общения с неэлитарными слоями формирует столь же специфическую логику эволюции этого явления и этой социальной сферы.

Поскольку общество применяет политические механизмы избирательно, в зависимости от характера общественных конфликтов, то по-

лучается, что наличие и уровень организации социальных контактов, опосредованных политикой, изначально не определены. Так что объем политических отношений в обществе постоянно меняется в зависимости от динамики различных конфликтов, в которые приходится вмешиваться государству и применять методы избирательного перераспределения статусов и ресурсов.

Основанная на механизмах символического принуждения, групповой солидарности и идейной идентификации политика постоянно выходит за рамки правового пространства, игнорирует юридические ограничения деятельности граждан. С одной стороны, в использовании таких методов урегулирования конфликтов или конструирования социальных процессов заинтересованы наиболее авторитетные и влиятельные общественные круги. С другой стороны, самыми заинтересованными субъектами в использовании (точнее – в применении к себе) этой формы урегулирования власти выступают ресурсно необеспеченные группы. То есть те социальные аудитории, которым трудно надеяться на собственные ресурсы при продвижении своих интересов. Посему маргинальные, необеспеченные слои общества – это постоянный источник политизации социальных конфликтов, вовлечения государственной власти в споры и разногласия различных акторов.

Но даже на фоне этой гуманистической миссии политики неравнозначность стандартов, применяемых государством к тем или иным социальным акторам, как правило, вызывает не понимание, а отрицательную оценку со стороны массовых аудиторий и различных групп, оказавшихся за пределами пространства приоритетного распределения ресурсов. Так что гражданский дискурс обычно переполнен отрицательными суждениями относительно сущности политики, а равно и деятельности властей.

Как показал исторический опыт, такая неравновесная природа политической активности создает условия для запуска механизма эффективного перераспределения государственных статусов и ресурсов в пользу наиболее важных для него (правлящего режима) агентов и, как следствие, опережающего развития соответствующих социальных институтов и процессов, эффективного урегулирования конфликтов. Показательно, что многие ученые однозначно фиксировали характер такого субъекта и, в частности, указывали на его **групповой** характер.

Так, уже в религиозных учениях отмечалось властно значимое идейное противостояние единоверцев и оппонентов. Т.Гоббс подчеркивал, что государство – это продукт развития асимметрии групповых отношений. Не случайно и К.Шмитт, интерпретируя политику в русле подхода Платона, доводил групповое противостояние до логического конца, представляя его как противостояние групп «друзей» и «врагов». Да и центральный институт политики, государство, также рассматривался многими мыслителями как механизм доминирования известной политико-административной группы.

В самом широком смысле групповая природа политики позиционирует ее как особую сферу взаимоотношений элит (представляющих групповые предпочтения) и неэлит (основной части социальной аудитории, корпуса граждан), формирующих специальные механизмы для поддержания своих коммуникаций как в публичном, так и в теневом пространстве власти. При этом сам факт представительства групповых интересов ограниченным кругом лиц дает возможность политике **замещать** групповые предпочтения как значительно более широкими (массовыми, общесоциальными) интересами, так и узкими (индивидуальными) притязаниями (например, отдельных представителей правящего класса). При этом критерии оценки таких интересов не всегда рациональны и несут на себе отпечаток субъекта, носителя и представителя данных потребностей.

Статус групп как центрального агента политики одновременно демонстрирует и обязательную для политики форму публичности, и масштабности свойственных ей конкурентных отношений. Да и развитие политики – и как явления, и как особой сферы человеческой жизнедеятельности – шло вокруг механизмов представительства интересов различных групп, столкновения характерных для каждой из них норм, структур и институтов.

В результате устойчивой институционализации политического пространства эта область социальной жизни обретает ряд содержательных признаков, атрибуций, позволяющих отличить ее от иных областей общественной жизни. В ряду таких параметров можно назвать **асимметричный** характер диспозиций политических игроков (демонстрирующий несовпадение подходов групп к оценке социальных процессов, их ресурсов, соотношению сил и других черт и позиций); **неконгруэнтный** (основанный на применении различных, заданных групповыми стандартами подходов и оценок одного и того же явления) и **конкурентный** тип взаимодействия акторов; **инклюзивность** (или свойство проникновения, демонстрирующее включение/выключение государства в урегулирование разнообразных, затрагивающих его интересы групповых конфликтов и процессов, что означает обретение или утрату политического характера этими общественными явлениями); **многоуровневость** межгруппового взаимодействия (предполагающую существование политики на различных уровнях социальной организации, в том числе на микро-, мезо-, макро- и мега-уровнях, каждый из которых отображает специфические механизмы функционирования и развития этой формы жизнедеятельности) и т. д.

В основном указанные черты сохраняют свою принадлежность к политике и на протяжении всей ее эволюции. В то же время можно видеть, как по мере изменения механизмов представительства и эволюции контактов государства с групповыми аудиториями (например, путем коммуникации с отдельными представителями гражданского населения, партиями, группами давления, СМИ, неправительственными организациями и прочими структурами, отвечающими за декларирова-

ние и продвижение интересов) политика неуклонно эволюционирует и в своем процессуальном, и в структурном отношениях. Другими словами, политика по мере совершенствования и изменения такого рода механизмов не только обретает новые формы, но и трансформирует многие свои черты и характеристики.

Благодаря суммарно складывающейся конкурентной системе представительства групповых интересов, сочетанию множественных механизмов трансляции в адрес государства потребностей различных социальных аудиторий политика развивается и как вертикально организованное взаимодействие (центров власти с социальными аудиториями), и как горизонтальное (означающее поддержание контактов между конкурирующими за государственную власть аудиториями). При этом и в том, и в другом направлениях активности всегда присутствует искусственно устанавливаемая причинность, конструирование различного рода союзов, альянсов, блоков и прочих объединений, необходимых для участников политической игры.

Момент развития, исторической эволюции политики особенно важно подчеркнуть, поскольку непродуктивность многих теоретических моделей связана как раз с попыткой ухватить единственную, существующую «от мира и до веку» и неразвивающуюся во времени сущность политики. В то время как сущностные параметры этого явления непрерывно эволюционируют и изменяются. Правда, происходит это в исторических масштабах. Ведь очевидно, что современная политика в принципе не может быть такой, как в Древней Греции. Поэтому при толковании политики в любых теоретических моделях должна лежать **идея развития политики**, ее сущностной трансформации в зависимости от развития общества, его организации и динамики интересов верхов и низов. Иначе говоря, эволюция сферы политики, открывая в течение столетий то одни, то другие свои грани, демонстрирует необходимость **постоянной переконцептуализации** понятия «политика». И только так можно адекватно отобразить ее динамику. В этом плане весьма удачным представляется выражение о политике как «двуликом Янусе», символизирующем наличие у нее вечно непознаваемой стороны.

Практический опыт дает основания полагать, что в целом **общая линия эволюции** политики выглядит следующим образом: первоначальное **появление спорадических практик** данного типа в толще социальной активности людей, распространение в обществе соответствующих норм и правил поведения, структуризация, а затем последующая **институционализация политики в рамках публичной сферы жизни**. Причем центральный элемент в этом процессе – возникновение государства. В целом же формализация институционального дизайна политики на основе государственных структур свидетельствует о возникновении особой области социума со своими нормами, правилами и даже этикой межгрупповой конкуренции за государственную власть. По сути эта стадия свидетельствует о включении государства – в качестве «третьей силы» – в регулирование межгрупповых споров, в том числе и

внутри правящего класса, что, собственно, и легализует политику как особую сферу жизни общества. Вспомним, что только в XVII в. Н.Макиавелли, а позже Г.Гегель, В. фон Гумбольдт и А.Де Токвиль отделили политическое сообщество (в лице государства с его публичными нормами и структурами) от гражданского.

Впоследствии, под влиянием рыночных отношений, распространяющихся и на сферу власти, формируется фаза **рутинизации** политики, устойчивого воспроизводства массовых политических практик на основе усложнения строения государства и в виде специализации отдельных сегментов политической сферы, ее структур и институтов, что ведет к обретению данной сферой **системного** характера. В этих рамках группы интересов, партии, множественные формы прямой демократии позиционируют себя как устойчивые и взаимосвязанные друг с другом частичные механизмы коммуникации власти и населения.

Последовательно примененная идея развития политики ставит и проблему оценки всего исторического пути ее эволюции, и оценки ее исторических перспектив. Действительно, сохранится ли политика в структуре общества, исчезнет ли, трансформируется в какую-то иную область социальности?

Ведь, как можно наблюдать уже сегодня, возникновение форм «правового государства» или составляющего на Западе большинство общества среднего класса, снижающих остроту социально-экономических групповых противоречий, минимизирует обращение граждан к политическим механизмам регулирования конфликтов. Историческими фактами являются и такие явления, как утрата государством части своего внешнего суверенитета в условиях глобализации, нарастание девиантных практик и усиление влияния конкурирующих форм регуляции социальных процессов (например, со стороны морали, что позволяет многим ученым говорить о ее «историческом реванше»), изменение структуры политики (например, на основе деидеологизации представительства групповых интересов) и т. д. Одним словом, такой опыт дает возможность наблюдать процессы деинституционализации политики под влиянием этих тенденций и, следовательно, постепенное **уменьшение ее регулятивной роли**, что предопределяет возможность **полураспада и распада** этой области жизни в некоторой исторической перспективе.

Впрочем, такие тенденции проявляются далеко не на всех социальных площадках, где функционирует политика. К примеру, трудно ожидать – по крайней мере, в обозримом будущем – что деполитизация затронет механизмы принятия государственных решений или же процессы урегулирования внутризлитарных отношений.

В то же время в пользу вытеснения политики из публичной сферы социальной жизни говорят и другие факты. Например, уменьшение интенсивности политического участия рядовых граждан (в выборах, тех или иных проектах государства и т. д.), их спорадическое обращение к политическим механизмам урегулирования конфликтов, снижение возможностей для формирования общенациональных интересов. К приме-

ру, Ю.Хабермас полагает, что по мере развития западных демократий сфера действий «демократической общественности» расширяется, а вот действенность, влияние на государственные решения неуклонно снижается. Правда, наряду с пониманием того, что политика вряд ли избежит участи постепенной маргинализации и элиминации из социального пространства, присутствуют и взгляды, утверждающие ее социально неистребимый характер. В пользу сохранения политикой своей постоянной ниши в структуре общества, говорят факты неизбежности включения договорных практик в решение конфликтов между группами. Тем самым можно утверждать, что гетерогенный характер общества предполагает перманентное использование всего набора методов обеспечения его взаимодействия с государством, в том числе и политических.

К еще более существенным фактам, влияющим на трансформацию места и роли политики, можно отнести неуклонное становление информационного общества и, как следствие, повышение роли медиainструментов в распределении власти, ревизующих прежние способы ее легитимации; постепенное изменение соотношения публичной и частной сфер общества (в пользу последней), непосредственно связанное с усилением ресурсной оснащенности жизнедеятельности рядовых индивидов и укреплением их позиций в отношениях с центрами власти; нарастание хаотичности и агрегативности общественных связей, предполагающих распространение более тонких, децентрализованных и персонализированных, локальных систем урегулирования конфликтов и противоречий; нарушение единства общества с природой, обуславливающие потребность в применении супранациональных методов разрешения разрастающихся экологических рисков и кризисов; качественное увеличение роли горизонтальных, сетевых форм организации общественных связей и разрушение жестких административных структур в управлении государством и т. д.

Одним словом, повседневность уже демонстрирует ряд таких черт и тенденций в эволюции политики, которые позволяют говорить о ее качественных трансформациях. Так, прежде всего следует видеть ту трансформацию института государственности, которая активизирует горизонтальные, сетевые структуры, что меняет позиционирование в публичном пространстве как правящего класса, так и общественности. По сути общество переходит к неким постгосударственным формам существования, вырастающим из складывающегося нового синтеза вертикальных и сетевых форм организации общественного порядка. А складывающиеся формы сверхоткрытого общества разрушают самую идею гомогенности локального социума, развивающегося в рамках отдельной страны. При этом важнейшим источником трансформации политики прежде всего выступает снижение роли групповых идентичностей, все большее тяготение людей к осознанию своего общественного статуса как самостоятельных индивидов, нарастание конкурентных социокультурных коммуникаций внутри общесоциального гражданства.

В силу ослабления интереса значительной части граждан к давлению на власть (точнее говоря, предпочтение этим формам защиты своих интересов юридическо-правовых инструментов) политика все больше приобретает **частно-проективный** характер, предполагающий вовлечение широких слоев граждан в отношения с правящими элитами по поводу конкретных и наиболее значимых для них целей. Другими словами, политика все больше и больше становится сочетанием потоков активности различной интенсивности, каждый из которых поддерживается только теми слоями населения, которые входят в контакты с властью по поводу решения касающихся их конкретных задач. Важным показателем трансформации политики выступает и изменение целого ряда ее функций, среди которых можно назвать снижение значения репродуктивных форм властных отношений, возрастание креативности в решении социальных задач, инициацию новых взаимоотношений, усиление роли медиаполитики и т. д.

Если чуть более подробно рассмотреть такого рода процессы, то, к примеру, можно увидеть, как в результате повышения роли СМИ в распределении ресурсов, а самое главное – обретения информацией статуса важнейшего ресурса власти происходит последовательная медиатизация политического пространства, проявляющаяся в становлении медиакратических порядков и возникновении новых диспозиций как у граждан, так и у правящих верхов. Вследствие указанных процессов возрастает иницирующая роль маркетинговых технологий в организации политического дискурса, сценариоменеджмента в сфере государственного управления. Постепенно трансформируется и вертикальная организация государственной власти, сетевые формы демонстрируют иные принципы управления и власти. Политика становится более индивидуализированной формой социальных связей, вмещающей в себя частные установки. Происходит историческое расщепление сферы политики: сужение ее публичности и профессионализация управления. Такая диффузия политики меняет структуру представительства групповых интересов, которые все больше и больше осуществляются через политический подиум, то есть выдвигает не просто лидеров, а лидеров-звезд, одновременно выполняющих и развлекательные функции. Одновременно – как и в начальный период своего существования – политика демонстрирует способность своего существования без участия широких слоев населения, ограничиваясь внутризэлитарным диалогом властвующих и управляющих.

Следует, впрочем, осознавать, что подобного рода черты возникают на уровне национальном, причем в основном в индустриально развитых и постиндустриальных государствах. А вот на мировом уровне, уровне межгосударственных связей и отношений потребность в присутствии политике консенсуальных механизмах урегулирования конфликтов, снижающих силовые составляющие управленческих технологий, в настоящее время возрастает и возрастает. Так что политика как способ регулирования перераспределительных процессов при помощи пуб-

личной власти трансформируется как бы в трех измерениях: в постиндустриальных странах ее роль последовательно снижается, в то время как в переходных общественных системах и в рамках международных отношений ее роль, напротив, остается весьма высокой.

Как же наука реагирует на все эти трансформирующие облик политики процессы? Возможно, в какой-то степени крайним выражением поиска ответов на вызовы времени можно считать активизацию натуралистических, неантропогенных подходов, в том числе биополитику (С.Майер), феминизм (Р.Айслер) и более широко – гендерные теории политики (Дж.Скотт).

Методологически промежуточным направлением можно считать ту составляющую теоретического поиска, которая предлагает отказ от антропоцентризма и исповедует принцип целостности анализа, исходящего из единства социальных структур с внешней средой, человека с природой. Одним из наиболее показательных примеров в этой области является новый институционализм (Дж.Марч, Й.Ольсен), сетевая теория (Р.Родес), видящая в политике особую форму руководства, основанную на авторитете, позициях главных операторов ресурсов, концепты «пространства» и «поля» (М.Фуко, П.Бурдьё), а также ряд других.

Конечно, значительно более распространенным направлением выступают теории, относящиеся к **социоцентристским** подходам. В этом контексте научная мысль развивается прежде всего за счет развития **формально-логических** инструментов познания. Это хорошо видно по интенсификации политэкономических теорий изучения политики (П.Херринг, Э.Шатшнайдер, Й.Дрезе, К.Арроу, Э.Даунс), широко применяющих математический аппарат игровых теорий, возникновения методологии *public choice*, давшей одну из наиболее распространенных на сегодня теорий – теорию рационального выбора (Р.Бэйтс, Д.Грин, Я.Шапиро) и др.

Весьма распространены на сегодняшний день и теории, тяготеющие к **феноменологическому** объяснению природы политики, отражающему возрастание роли цивилизационных, социокультурных механизмов участия и властвования. Это предполагает акцентацию внимания на особенностях субъекта политической практики, его позициях и связях, знаково-языковых инструментах общения. В этой палитре теорий находят свое место разнообразные дистрибутивные, политико-культурные, коммуникативные, дискурсивные и другие концепции, говоря словами М.Вебера, «расколдовывающие» логику повседневности. Характерно при этом, что такого рода теории не только пытаются вдматься в проблему идентификации политики, используя рационально-логические инструменты познания, но и вчувствоваться в нее, воспринять неуловимые движения «души политики».

Впрочем, новые подходы и концепции сталкиваются сегодня и с новыми формальными интерпретациями политики, с их ориентацией на административные статусы государства, акцентацией ее публичного

характера и пренебрежением к значению реальных центров влияния и силы. Тем самым происходит как бы усекновение строения политики: абсолютизация ее явных форм и игнорирование теневых и полутеневых процессов.

Впрочем, сказанное показывает, что и обозначенные, и постоянно множасьщиеся концепты и оценки политики отнюдь не закрывают проблему ее сущностной интерпретации и описания присущих ей базовых параметров. Время, появление новых поколений исследователей постоянно поддерживает механизм атрибуции, поиска ее сущностных и непротиворечивых определений. В то же время можно констатировать, что существует ряд аспектов, которые если и не продуцируют постоянные заблуждения, то являются предметом дискуссий, увеличивающих риск-рефлексии в процессе познания.

Прежде всего это природа самого политического факта, предполагающая предварительную оценку социальных коллизий в координатах групповых интересов (и взаимосвязей групп с государством), что включает аксиологические подходы в структуру политического явления. Как справедливо пишет Ю. Качанов – «понимать проблему как политическую значит оперировать специфическими категориями», то есть соотносить реальную проблему со своей позицией⁴. Другими словами, признание /непризнание политического значения того или иного события зависит от определенных диагностических процедур, или, если угодно, произвола субъекта познания.

Сложности вызывает и изначальная полицентричность политики, фиксирующая особенности существования на разных уровнях своего социального. Это, в свою очередь, связано, с различием морфологии политических сегментов. Так, на национальном, страновом уровне государство является самым мощным институтом власти и символического принуждения. А вот на мировом уровне его прерогативы соперничают с возможностями других ресурсных центров, очагов символического принуждения: ТНК, международных организаций и проч.

Существенным показателем трудностей познания является и факт постоянного изменения объема политических явлений (обусловленного свойством инклюзивности). Эта способность политики одновременно расширять свое пространство, тяготея к тотальности этой формы властвования, и, напротив, локализовывать свои механизмы, по сути рождает образ особой логики повседневного функционирования политики, турбулентности ее движения. Иными словами, методы политического регулирования неявно распространяются на всю сферу применения власти, в то время как собственно политические механизмы действуют по строго фиксированной тематике. Так что, с одной стороны, слабо учитывается, что политика выступает как волновой функциональный (и в какой-то мере турбулентный) процесс, содержание которого обусловлено динамикой значимых групповых конфликтов, а также характером коммуникация этих общностей с государством; а с другой, что в политике складываются «неполитические» (остаточные) явления,

⁴ Качанов Ю. *Политическая топология: конструирование политической действительности*. М., 1995, с. 78.

только внешне (по административным, военно-силовым и другим параметрам) напоминающие применение политических методов регулирования социальных процессов.

Еще одним серьезным препятствием на пути рационального отображения политики является зависимость ее существенных характеристик от технологических компонентов. Иными словами, конкретные техники и средства борьбы за власть способны трансформировать сущность политических взаимоотношений групп, создать видимость социальных форм, оторванных от своих базовых оснований. Поэтому столь же поверхностными могут оказаться и формы теоретической рефлексии, основанные на такого рода приоритетах.

Впрочем, возможно, наиболее серьезная интеллектуальная ловушка, которая подстерегает ученых в этом плане, состоит в их стремлении придать политике целостный и системный характер, уловить закономерность ее исторического движения, сформировать лишенный противоречий образ этого явления. Однако не следует забывать, что политика лишь отчасти может быть объяснена рациональными схемами и во многом представляет собой форму ремесла, искусства «разруливания» конфликтов, включающего множество приемов и технологий социального конструирования и инжиниринга. Другими словами, на практике политические акторы не столь часто, как хотелось бы, руководствуются программами, идеологическими предписаниями и другими доктринально и даже рационально сформулированными целями, предлагая взамен этого конкретный набор средств, применяемых к живым носителям интересов и проявляющих чуткость к самым различным аргументам.

Так что политика и дальше останется вечно ускользающим от человека явлением, смыслы которого будут динамично меняться в зависимости от его интересов и возможностей познания, способностей использовать власть за завоевание ключевых общественных ресурсов и статусов.